

УДК 811.161.1

**В.И. Муминов****ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КЛАССИФИКАТОРОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИЗНАКА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»**

В статье на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот» рассматриваются некоторые особенности употребления классификаторов неопределенности признака в художественном тексте, проводятся наблюдения над авторскими предпочтениями в выборе определенных языковых «фаворитов», которые несут особую функциональную нагрузку и «максимально отвечают за удачу общения».

*Ключевые слова:* классификаторы неопределенности, внутренняя незаполненность, идиостиль, неопределенные слова, «частичеобильность».

Весьма чуткий к нюансам слова, создатель тонкого психологического стиля, Ф.М. Достоевский внес неоценимый вклад в развитие родного языка, отечественной и мировой литературы. Его художественный мир, наполненный трагическими контрастами и напряженным поиском идеала, предельно эмоционален, динамичен, разнообразен и внутренне антиномичен, что не могло не отразиться на языке его произведений. Выработывая свой стиль, свой художественный метод, Достоевский, «обратил внимание читателя (слушателя) на то, что человеку трудно понять, чего никто не может ни достигнуть, ни постигнуть, на те смыслы, которые недоступны языку» [1. С. 849]. Стихийность, импульсивность, неопределенность – характерные черты персонажей романа Ф.М. Достоевского «Идиот», которые находятся во власти некой таинственной, роковой, зловещей силы, жуткого ожидания, влияющих на их сознание, действия и поступки.

Средства выражения максимального проявления «необузданной» силы реализуются в романе в виде многочисленных лексических единиц и способов их выражения. Прежде всего – это обилие слов «неуправляемого» действия, «поле неопределенности»: «ориентация писателя на подобные тематические группы обуславливает их роль как ключевых слов, фокусирующих тот образ мира (либо смазанный, либо раздвоенный), который является объектом авторского изображения» [4. С. 91]; «при таком мироощущении жизнь представляется не как движение к цели, а как стихийный поток, несущий человека в неведомом направлении и грозящий катастрофой» [1. С. 864]. Грамматически они могут быть выражены различными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами, наречиями и др. Например: *Неизмеримая злоба овладела Ганей и бешенство его прорвалось без всякого удержу* [3. С. 113]; *Они все знают, вся беспокойная пытливость их ума и способности устремляются неудержимо в одну сторону* [3. С. 32]. Всем «персонажам Достоевского (или даже в них) **что-то думается**, или **что-то говорится**, из них **что-то вырывается**, с их языка **срываются** и **слетают** признания, мольбы и покаяния. Их постоянно **куда-то без удержу несет** и **заносит**, в них **что-то бушует**, **загорается** и **разгорается**, их **что-то обуреает**» [1. С. 862]. Действия персонажей Достоевского постоянно выходят из-под контроля, находятся «под прицелом» рока, случая, поэтому они делают не то, что хотят, их действия обратны намерениям, их проявления неожиданны для окружающих. Так, например, конструкциями с противительными и уступительными союзами выражается неосуществленное действие, осуществлению которого помешали некие роковые силы, непреодолимые обстоятельства. Например: *Он хотел было еще что-то прибавить, но промолчал...* [3. С. 236]; *... мы проводили целые часы одни, молча – мамелюк Рустан храпит, бывало, в соседней комнате...* [3. С. 523]; *Огонь... сперва было потух, когда упала на него и придавила его пачка* [3. С. 182].

С помощью частиц **было** и **бывало** экспрессивно воспроизводятся в романе минувшие события, неуправляемые, неопределенные, неоконченные, прерванные или повторяющиеся в прошлом. Фон прошедшего времени таким образом отодвинут от настоящего и будущего, что в его пределах представляется возможным изображать действия «не только как протекавшие когда-то, но и как развертывавшиеся перед мысленным взором говорящего лица» [2. С. 462].

Частица **было** выражает модальное значение действия, начавшегося или предполагавшегося, неосуществленного или прерванного по каким-либо причинам, и употребляется субъектом речи для того, чтобы приспособить объективную информацию к условиям речевого акта. В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» частица **было** сочетается с глаголами и глагольными формами, действие которых

обратимо, неполно. Само начало действия, стремление к некоторой фиксированной, но незаконченной, неуправляемой величине представляется импульсивным, непродолжительным. На это указывают и некоторые лексические показатели с временным значением (Ср.: *сперва было потух; как только было начала* и др.). Прерывистость, незавершенность действия маркируется отглагольной частицей **было**, использующейся как сигнал: **а) желательности или необходимости**: *Я было хотел вас познакомить... но он такой странный...* [З. С. 160]; **б) желаемой субъектом цели осуществления**: *...Если б я только знал, где теперь Колю найти! – сказал князь и повернулся было уходить* [З. С. 172]; **в) неожиданности и предполагаемой, но не реализованной ирреальности факта**: *...Знать же тебя не хочу после этого! – она было быстро повернулась уходить, но вдруг опять воротилась* [З. С. 232]; **г) приостановки действия, которое имеет «намеренный характер»**: *Лизвета Прокофьевна чуть было не прогнала ее на место, но... как только было Аглая начала декламировать... два новых гостя... вступили с улицы на террасу* [З. С. 276]. Часть высказывания с частицей **было** выражает предварительное, начальное действие, основное же, как постфактум, выражает действие, противоположное предварительному с неосуществленным или аннулированным результатом.

Частица **бывало**, сохраняя разговорный оттенок, употребляется как вводное слово, придавая глаголу значение действия, нерегулярно повторявшегося в прошлом (*иногда, прежде было, случилось*) и указывает на: **а) неуправляемое достижение внутреннего предела и наступление итогового неуправляемого состояния ситуации**: *– Да так, бывало, размечаешься, что с ума сойдешь...* [З. С. 198]; **б) выделение неуправляемого факта, имевшего место**: *– ... мамeluk Рустан, хранил, бывало, в соседней комнате, ужасно крепко спал этот человек* [З. С. 523]; **в) краткость ситуации, имевшей место в прошлом**: *– Семьдесят три года... и все, бывало, улыбались... словно ребенок* [З. С. 226]; **г) разобщенность действия с моментом речи, поскольку результат не сохранился**: *– Вот тут-то, бывало, их зовет все куда-то...* [З. С. 86].

Отличительной чертой данных ситуаций является отсутствие какой бы то ни было характеристики интервалов между отдельными актами повторения указанного действия при общей констатации таких интервалов. Частица **бывало** является специальным средством выражения этого «нехарактеризованного» интервала, поэтому исключить ее из высказывания невозможно. Внешнее временное ограничение повторяющегося действия рамками прошлого, выражаемое при помощи частицы **бывало**, дезактуализирует определенность / неопределенность интервалов при самой общей констатации их существования.

Последовательное употребление частиц **было** и **бывало**, обозначающих импульсивность, незаконченность, необратимость действия и неопределенность (регулярность / нерегулярность) повторения действия (признака), отражает «беспредельный» (неопределенный) характер чувств героев Достоевского и ситуаций, в которых они оказываются. Сами частицы не обладают в высказываниях синтаксической самостоятельностью, но они выражают их различные коммуникативные характеристики, создают общее поле субъективной модальности и экспрессии, поскольку в каждом конкретном случае присутствует отношение говорящего к тому, что он выражает, и как он это выражает.

Максимальная экспрессия, открытость, внутренняя незаполненность, неопределенность обозначений, выражающаяся в непрестанном употреблении классификаторов неопределенности, достигаются обилием языковых и стилистических приемов, которые: **а)** создают атмосферу таинственных полунамеков, жуткого ожидания, «многозначительности», напряженности действия романа; **б)** завораживают таинственностью и неожиданностью «свалившихся на голову» персонажей обстоятельств, случайным, непредвиденным вторжением роковых сил; **в)** показывают трагизм одиночек, униженных и оскорбленных социальной несправедливостью, их отчаяние, смятение, беспомощность, крайнюю степень безысходности; **г)** вскрывают «в героях элементы раздвоенности, наличие неких противоборствующих сил», одна из которых «побеждает не сразу, а после сомнений и раздумий, после преодоления массы случайностей, препятствий, неожиданно возникших на пути героя» [8. С. 140]. Например: *Если б они оба знали ... подивились бы, что случай так странно посадил их друг против друга ...* [З. С. 29]; *О, много, много вынес он ... и негаданного, и неслыханного, и неожиданного!* [З. С. 253]; *Чрезвычайное, неотразимое желание... вдруг оцепенили всю его волю* [З. С. 252].

В своеобразии синтаксических конструкций, в обилии различных приемов «выражения недосказанности, обусловленных нежеланием назвать словами то, что скрыто в глубине человеческой души» [5. С. 59], устранения определенности субстанции, реализуется стремление автора усилить впечатление, «подогреть страсть», «накалить обстановку» до предела, подчеркнуть неопределенность, таинствен-

ность и мощь сил, руководящих судьбой и поступками людей. Неопределенность в подобных конструкциях поддерживается и усиливается введением стандартных показателей неопределенности: неопределенных местоимений, местоименных наречий, уступительных и противительных союзов, частиц, вводных слов, а также использованием безличных конструкций. Например: ... *все это было нечто особенное, нечто совсем не такое...* [3. С. 371]; *Или в самом деле было что-то такое... Нечто такое... что трудно анализировать...* [3. С. 352]; ... *все это предвещало что-то опасное, что-то особенное* ... [3. С. 568]; ... *он замечал иногда что-то как бы мрачное... но он более верил чему-то другому...* [3. С. 541]; *И опять... промелькнуло что-то очень для всех загадочное* ... [3. С. 549]; – ... *все в нем... было как-то разбросано...* [3. С. 114]; *Князь... сидел чуть не бледный... и, казалось, был в... чрезвычайном страхе...* [3. С. 257]; *В этом возвращении денег он потом тысячу раз раскаивался, хотя и непрестанно этим тщеславился* ... [3. С. 386]; ... *со всеми произошло как бы нечто очень странное: ничего не случилось, и как будто в то же время и очень много случилось* [3. С. 257].

В русской и мировой литературе давно и прочно утвердилось мнение о Достоевском как величайшем мастере художественного слова, «знатоке человеческих душ», тонком психологе. «Между тем именно обращаясь к психологическому субстрату поведения своих героев и их речевых действий, Достоевский более всего употребляет слова неопределенности: *как-то, почему-то, зачем-то, какой-то, как бы* и др.» [1. С. 849]. Неопределенные слова у Достоевского – это средство выразить понятие неопределенности субстанции, средство усиления впечатления непостижимости, фатальности мистических сил, зловещих в своей неуловимости.

С помощью безличных предложений, которыми изобилует роман, Достоевский показывает фатальность непостижимой силы, которой нет и не может быть названия. Например: *Ему как бы хотелось разгадать что-то... поразившее его...* [3. С. 106]; *Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии* ... [3. С. 249]. В целях обеспечения «указанной тенденции в роли подлежащего иногда выступает существительное, выражающее отвлеченное понятие (мысль, желание, идея и т. п.). При этом действие, выраженное личным глаголом, имеет метафорическое значение. В этих условиях личная конструкция становится семантически адекватной безличной» [8. С. 147]. Например: *Чрезвычайное, неотразимое желание... вдруг оцепенили всю его волю... мучительное любопытство соблазняло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему в голову...* [3. С. 252]; ... *по лицу его вдруг прошла беспокойная мысль...* [3. С. 58].

В использовании имен существительных с определением, выраженным прилагательным или наречием неопределенного значения, прослеживается умение автора максимально выделить ту непостижимую силу, которая неуловимо, загадочно-тайнственно, подсознательно действует в человеческой душе. При этом определения не уточняют субстанцию, а делают ее еще более неопределенной, размытой. Например: ... *были люди и весьма странного вида, в странном платье, с странно воспламененными лицами...* [3. С. 371]; – *Да дай же я хоть обниму тебя... странный ты человек!* ... [3. С. 247]; ... *он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее* [3. С. 249]; *Странный и ужасный демон привязался к нему* ... [3. С. 256].

Неконкретность такого определения иногда подчеркивается и другими классификаторами неопределенности: употреблением неопределенного наречия или неопределенного местоимения, частиц, которые «придают еще большую неопределенность понятию» [8: 148], «указывают на особую, необычную разновидность признака, трудно уловимую и трудно определимую» [1: 849], выделяют «непомысленное, которое все еще скрыто внутри уже помысленного» [10: 142]: *Тут, очевидно, было что-то другое, подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, – что-то вроде какого-то романического негодования Бог знает на кого и за что, какого-то ненасытимого чувства презрения... одним словом, что-то в высшей степени смешное и недозволенное* ... [3. С. 46]; *Но только что он вспомнил об этом, с ним вдруг опять случилось что-то особенное* [3. С. 252]; *С тех пор он как-то особенно полюбил... свою деревеньку...* [3. С. 193]; ... *было... что-то в Настасье Филипповне, что иногда поражало ... какою-то силой...* [3. С. 163]; – *Я... с вами где-то встречался, но... – Вишь, где-то встречался!* [3. С. 141]; *Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен...* [3. С. 9].

Значение неопределенности создается частицами двух семантических групп: **1. Частицы, оценивающие признак, ситуацию как гипотетические (будто, словно, как будто, как бы, якобы, вроде, словно бы, будто бы, словно как, вроде бы, вроде как).**

Значения неопределенности, недосказанности, приблизительности, предположения, сомнения и др. дают возможность Достоевскому широко использовать данные частицы на страницах романа в качестве средства выражения некой таинственной силы, управляющей судьбой человека, а также психологического состояния персонажей, ориентируют на размытые понятия, спонтанные и нестабильные. Контексты с такими лексемами «тяготеют к миру человека – его чувствам и внутренним состояниям, поведению, непосредственным реакциям – внешним и внутренним, адресованным и неадресованным действиям, интерперсональным отношениям» [1 С. 854]: ...думаете, что я не в состоянии распечатать этот пакет? – прибавил он **как будто** обращаясь ко всем... [3. С. 408]; Он повернул к ней голову ... но вдруг, **точно** мгновенно забыв ее, опять отвел глаза... [3. С. 374]; Нина Александровна в претензии на меня, что я **будто бы** развращаю теперь ее супруга пьянством [3. С. 472]; С ним произошла опять, и **как бы** в одно мгновение, необыкновенная перемена ... [3. С. 131].

Слова **как будто**, **будто**, **как бы**, **точно**, **словно**, **ровно** относятся к знакам «кажимости», субъективного впечатления, того, что показалось, привиделось [1: 851]. Например: **Точно** сумасшедшая она была весь тот день... [3. С. 233]; Все **как будто** про что-то знали и все **как будто** боялись про что-то сказать [3. С. 504]. Рогожин... **как бы** даже и забыл о нем. Князь смотрел и ждал ... и опять **как бы** вдруг отнялись его ноги ... он прилег ... **как бы** совсем уже в бессилии ... [3. С. 634].

В употреблении частиц, выражающих оценку признака как гипотетического, прослеживается и установка Достоевского на выражение какого-то намерения, умысла персонажа: *Обыкновенно бледное и задумчивое лицо ее, так все время не гармонизировавшее с давешним **как бы** напускным ее смехом, было очевидно взволновано теперь новым чувством; и, однако, все-таки ей **как будто** не хотелось его выказывать, и насмешка **словно** усиливалась остаться на лице ее* [3. С. 144]; *Настасья Филипповна, проходившая **как бы** не примечая никого в особенности, вдруг обернулась... и **как будто** только теперь заметила Евгения Павловича* [3. С. 239].

Текст романа «Идиот» насыщен частицами данной группы. Эта «частицеобильность» придает произведению многоплановость: повествование от прямой линии событий переходит на план сравнений, неясностей, гипотез, переживаний героев, их намерений и мыслей. Экскурсы во внутренний мир основываются на симптоматике поведения персонажей (Ср.: *Он весь дрожал* – физическое явление, *Он **как бы** дрожал* – симптом психического процесса). Например: *Аглая остановилась на мгновение, **как бы** пораженная, **как бы** самой себе не веря ...* [3. С. 587]; ... *Иван Федорович... потом сделал признание, что... «и ему что-то... мерещилось, нет-нет и вдруг **как будто** и померещится!»... вечером... вдруг и **как бы** с особенною бодростью выразил несколько неожиданных мыслей...* [3. С. 524].

**2. Местоименные частицы, выражающие эмоциональную оценку признака, объекта (какой-то, какой-нибудь, как-то, некий, эдакий, этот, такой, что-то).**

Выделение частиц данной группы затруднено омонимией неопределенных и указательных местоимений и наречий. В традиционной морфологии слова **какой-то**, **какой-нибудь**, **как-то** и др. относятся к неопределенным словам местоименного типа (См., напр.: [7. С. 260]). Неопределенные слова включаются в «малую систему» местоимений, входящих в сегменты исхода и означающих «неопределенность, неуверенность в существовании, предположительность (**некто**, **нечто**, **кое-кто**, **какой-то**, **как-то**, **как-нибудь** и др.)» [11. С. 8].

Анализируя характер употребления слов (**какой-то**, **некий** и др.), исследователи, занимающиеся проблемами частиц и «частицеподобных» единиц, отмечают неместоименную семантику таких слов: «такие типы употребления обозначают не указание на признак / предмет (неопределенный / определенный), а какую-то оценку признака или предмета» [9. С. 152].

В оценочном значении употребляются и другие местоименные слова: **кое-кто** – неназываемый, небезызвестный; **некоторый** – неназываемый, небезызвестный; **какой-нибудь** – выражает отрицательную оценку объекта, пренебрежение, указывает на незначительность и приблизительность количества; **как-то** – выражает значение неопределенности, неясности признака; **эдакий**, **этакий** – являются средством введения особенной, необычной характеристики, часто метафорической; **такой** – служит для привлечения внимания к выделяемому объекту [6. С. 88].

В тексте романа выделяется несколько типов употреблений частиц этой группы: **а)** при назывании каких-либо свойств лица, предмета, необычной характеристики предопределяют (вместе с оценочными словами) определенную реакцию (досаду, недоумение, удивление и др.), субъективную оценку (неуважение, отсутствие внимания и т.д.). Например: *Лизавета Прокофьевна становилась... все капризнее и нетерпеливее, стала **даже** **какая-то** чудачка...* [3. С. 39]; ... *И не в статейке **какой-нибудь** журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, **какого-нибудь***

*там* Пушкина дело идет... [З. С. 154]; —... не нравится мне **этот** ваш Фердыщенко: сальный **шут какой-то** [З. С. 52]; ... **этот князишка** – большой **идиот**, второе – **дурак** ... **Демократ какой-то** непоколебительный [З. С. 381]; – Ну, **дурак, какой-нибудь** и он, и его подвиги! [З. С. 260]; **Этакая сила... с такою силой** можно... [З. С. 107-108]; **б)** при выражении неопределенности, таинственности, значительности (или незначительности) с точки зрения автора или персонажа, обозначении приблизительно количества, меры, цели и др.: **Какой-нибудь** из «несчастных», убивших **каких-нибудь** двенадцать душ... единственно для своего удовольствия [З. С. 429]; *Живет она где-то в какой-то* Матросской улице... а экипаж ее чуть не первый в Павловске [З. С. 320]; Ну, вот так и знал, что **какая-нибудь вот такая** тварь так тотчас же и повиснет! [З. С. 28]; **в)** при обозначении неясности, приблизительноности выражения из-за затруднения в его определении: ... только мне показалось, что в нем много страсти и даже **какой-то** большой страсти [З. С. 45]; *Лизавета Прокофьевна... казалась как-то* уж слишком озабоченною [З. С. 559]; **г)** при передаче значения неопределенности, неизвестности, загадочности; при назывании представителя как единичного (известного или не совсем известного): *Тогда люди были как-то* об одной идее, а теперь... *сенситивнее, как-то* о двух, о трех идеях за раз... [З. С. 543]; **д)** употребление частиц при описании душевных переживаний героев романа (сомнение, неуверенность, страдание и др.), тяготеющего над людьми зловещего рока: *Он был как-то* рассеян, **что-то** очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился **как-то** странен ... [З. С. 30].

Нередко встречаются в романе и такие конструкции, где рядом употребляются частицы, выражающие оценку признака как гипотетического, и частицы, выражающие эмоциональную оценку признака. Например: *Я как будто* смешиваю... *У меня голова что-то* кружится... [З. С. 253]. Это усиливает ощущение неопределенности, безысходности, зависимости от рока. С героями романа происходит что-то, им неподвластное, от них не зависящее.

Слова со значением неопределенности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» встречаются довольно часто. Причем, это могут быть не только частицы, но и наречия, и местоимения. Взятые в совокупности, они составляют довольно объемный комплекс средств выражения таинственно-загадочного, размыто-неопределенного, являются кардинальным свойством идиостиля писателя. Осознавая необходимость выразить мысли не столько для себя, сколько для читателя (слушателя), убедить его в правомерности излагаемого, сделать единомышленником, Достоевский вместе с тем не берет на себя функцию «всевидящего ока», не давит своим авторитетом, а предлагает им самим заполнить «пустоты». Такая тональность как раз и достигается классификаторами неопределенности, сигнализирующими о том, что признаковое слово (или сочетание слов) употреблено в каком-то особом, пока еще трудно уловимом смысле и эта «особенность» многозначительна и открыта.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: сб. ст., посвящ. памяти Т.Г. Винокур. М., 1996. С. 846-873.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. М.: Правда, 1981. 640 с.
4. Муминов В.И., Муминова Н.Ф. Своеобразие языковой и стилистической манеры М.Е. Салтыкова-Щедрина (на материале главы «Сказание о шести градоначальницах» романа «История одного города») // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 6. С. 90-98.
5. Муминов В.И. Средства выражения максимальной экспрессии в рассказе В.Г. Короленко «Убивец» // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014. № 6. С. 56-63.
6. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 168 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических единиц. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Сими́на Г.Я. Из наблюдений над языком и стилем романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Изучение языка писателя / под ред. Н.П. Гринковой. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 105-157.
9. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. 292 с.
10. Хайдеггер М. Разговоры на проселочной дороге. М.: Наука, 1991. 237 с.
11. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 297 с.

*V.I. Muminov*

**PECULIARITIES OF THE USE OF CLASSIFIERS OF INDEFINITENESS OF SIGN  
IN THE NOVEL “IDIOT” BY F.M. DOSTOEVSKY**

This paper analyzes F.M. Dostoevsky’s novel “Idiot” to reveal some peculiarities in the use of classifiers of indefiniteness of a sign in an artistic text. Observations are made of the author’s preferences in the choice of certain language “favourites”, which perform a special function and are “most responsible for a successful communication”.

*Keywords:* classifiers of indefiniteness, internal vacancy, idiostyle, indefinite words, “surfeit of particles”.

Муминов Владимир Исмаилович,  
кандидат филологических наук, доцент кафедры  
русского языка Гуманитарного института  
ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»  
693008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290  
E-mail: [lingua-star@inbox.ru](mailto:lingua-star@inbox.ru)

Muminov V.I.,  
Candidate of Philology, Associate Professor at Russian  
language department, Humanitarian Institute  
Sakhalin State University  
Lenina st., 290, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693008  
E-mail: [lingua-star@inbox.ru](mailto:lingua-star@inbox.ru)